

УДК 930.1

**ПОНЯТИЕ «ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ»
И ТВОРЧЕСТВО ИСТОРИКА:
ВЗГЛЯДЫ П. РИКЁРА И Р. КОЗЕЛЛЕКА**

И.К. Калимонов, М.В. Байтеева

Аннотация

Статья посвящена анализу теоретических подходов французского философа Поля Рикёра и немецкого историка Рейнхарта Козеллека к вопросу о содержании понятия «историческое время» с позиций герменевтики. В их концепции поставлен вопрос о времени не как объективном процессе, независимом от того, кто его исследует, а о времени, которое исследует историк, включенный в исторический процесс. Историческое исследование в данном случае связывается со средой, в которой оно создаётся, и исходными позициями по методам и теоретическим основам.

Ключевые слова: историческое время, смысл истории, субъективность историка, пространство опыта и горизонт ожидания, герменевтика исторического времени, историческая семантика, социальная память и история, холизм моделей в историческом описании, концепция техно-гуманитарного баланса.

Предмет истории – изменение общества во времени как целого. Только при таком понимании предмета история может выполнять функцию интеллектуального фундамента наук об обществе, изучающих общество с какой-то определённой стороны, а чаще рассматривающих его как набор некоторых статичных состояний. Именно поэтому проблема динамики исторического развития была и остаётся одной из важнейших в историческом познании. Ответ на вопрос о природе исторического времени, по сути дела, концептуальная основа для описания истории как процесса изменения общества во времени.

Время как инструмент анализа фигурирует в исторических сочинениях в разных ипостасях [1]. Вопрос в том, насколько соотносятся с реальностью те модели исторического прошлого, которые могут создать историки. Во второй половине XX в. доминировала идея множественности социального времени Ф. Броделя. Ткань истории, по его мнению, формируется взаимодействием различных типов времени: а) «длительного времени», регулируемого медленными столетними или даже тысячелетними природными изменениями; б) «социального времени», связанного с изменениями социальных структур, текущего довольно медленно, в пределах столетий; в) «событийного, поверхностного времени». При таком подходе исторический процесс рассматривался как эволюция социальных связей, не зависящих от субъекта исторической деятельности.

Однако со времен появления концепции Броделя положение изменилось. В ситуации постмодерна появились сомнения в возможности создания универ-

сальной истории человечества. Мнение, что «отрицание смысла истории становится общим направлением развития западной обществоведческой мысли в XX веке» [2, с. 3], утвердилось в последней четверти прошлого столетия, хотя и во Франции, и в Германии имели место иные подходы к решению данной проблемы. В отечественной, да и зарубежной историографии долгое время оставалась незамеченной феноменолого-герменевтическая интерпретация системного подхода к изучению истории. Данная линия в западной исторической мысли связывается с именами французского философа Поля Рикёра и немецкого историка и философа Рейнхарта Козеллека.

Когда Рикёр определял пути исторического познания с позиций герменевтики, он опирался на работы Рейнхарта Козеллека, в первую очередь на труд «Прошедшее будущее» (на французском языке – Koselleck R. “Le Futur passé”). Исследователь творчества Рикёра, французский историк Франсуа Досс приводит факты, свидетельствующие о том, что творчество Козеллека стало известным в США благодаря лекциям Рикёра [3, р. 562].

Опираясь на концепцию Ф. Броделя, П. Рикёр и Р. Козеллек подняли вопрос о содержании понятия «историческое время». Отличие их подхода от броделевского заключается в том, что время рассматривается не как процесс, независимый от того, кто его исследует, а как то, что исследует историк, включенный в исторический процесс. Основана эта концепция на понимании восприятия времени как историком, так и иными действующими лицами исторического процесса.

Суть изменения, которое внёс Козеллек, касается позиции наблюдения: историю делают люди, поэтому необходимо смотреть на историческое время с позиций субъекта исторического познания. Так же как и Бродель, он считал, что все сферы и области жизнедеятельности человека содержат различные структуры повторяемости, в которых с различными скоростями происходят изменения [4, S. 14]. Однако описание и анализ социальных процессов зависят от положения наблюдателя во времени, от того, что именно для него является прошлым, настоящим и будущим, и соответственно, от его представлений о каждом из этих трёх компонентов временного процесса, формирующихся под влиянием его памяти (знаний, информации, представлений о прошлом) и его ожиданий (прогнозов, представлений о будущем). Существенное значение имеет, наконец, степень осознания исследователем своей двойственной роли – наблюдателя и действующего лица истории [1]. Таким образом, история начинает восприниматься прежде всего как постоянно меняющийся опыт, который может интерпретироваться по-разному в зависимости от поставленных практических задач.

Рикёр высоко оценил возможности системного анализа на примере труда Ф. Броделя «Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» (см. [5]). Он показал, что Бродель из не вполне однородных причинных зависимостей сложил целостную композицию, отметив при этом, что труду Броделя недостаёт анализа психологических мотивов, несущих на себе следы обыденной психологии [6, с. 41]. Он указал на слабое место в системном подходе Броделя: его концепция не предполагала возможности изменения природы человека.

Когда Бродель писал свой труд, необходимость учитывать это не была очевидна. Однако ситуация изменилась. Известно, что в современных условиях всё большее влияние на мотивацию поведения людей оказывает не природная,

а искусственная среда обитания. Есть предположения о том, что возможно изменение природы самого человека [7, с. 5]. Если принять эту гипотезу за основу, то положение об устойчивости «длительного времени» следует подвергнуть пересмотру. Нельзя считать детерминанты длительной протяжённости более значимыми только потому, что они представляются наименее зависимыми от воли субъекта исторического развития. Опыт экологических исследований в XX в. показывает, что изменения, возникающие в результате антропогенного воздействия на окружающую среду, превращают «длительное время» в «короткое». В этой связи уместно упомянуть концепцию футурошока Э. Тоффлера, сводящуюся к тому, что люди не готовы к столкновению с фактом доминирующего воздействия на современного человека искусственной среды обитания.

Искусственная среда обитания сделала скорость изменений столь высокой, что в течение жизни одного поколения происходят изменения, которые раньше происходили за время жизни сотен поколений. Люди оказались в ситуации культурного шока – они не успевают приспосабливаться. Это ведёт к разрывам в общении, неверному прочтению ситуации и неспособности справиться с ней. Отсюда неврозы, иррациональность и разгул насилия в современной жизни. «Шок будущего – это феномен времени, продукт сильно ускоряющегося темпа перемен в обществе. Он возникает в результате наложения новой культуры на старую. Это шок культуры в собственном обществе. <...> Целое поколение – включая его самых слабых, наименее умных и наиболее иррациональных членов – вдруг переносится в этот новый мир. В результате – массовая дезориентация, шок будущего в больших масштабах» [8, с. 23–24].

Исходя из положения, что история как знание – дисциплина умозрительная, отталкивающаяся от следов, в которых зафиксирован социальный опыт, Рикёр пришёл к выводу, что время, представленное историком, заполняет разрыв между ощущением времени индивидуального и космического, создавая интеллектуальную основу самоорганизации человеческих сообществ. Это время, которое создаёт умозрительные структуры единого исторического процесса. Временная ось отсчёта задается от определённого события, и уже на этой оси происходит совмещение времени космического («объективного») с индивидуальным внутренним временем. Благодаря историку история отбирает, анализирует и связывает между собой только те события, которые могут считаться значимыми в рамках одной концепции. «Именно здесь субъективность историка, если сравнивать её с субъективностью физика, вторгается в сферу особого смысла, привнося с собой необходимые интерпретации» [6, с. 41]. Историк, таким образом, перемещается по множеству возможных путей между «пространством опыта» и «горизонтом ожидания» [9, S. 354] как будущим, становящимся настоящим, но уже не как между противоположностями, но как между двумя обуславливающими одно через другое областями времени.

Поль Рикёр в 1969 г. предложил дополнить феноменологическое понимание истории герменевтическим [10, с. 36], поскольку человека можно только понимать, но не знать, а для достижения понимания необходимо выявлять его включённость в социальное пространство. Герменевтика исторического времени, под которой сам Рикёр понимает последовательное осуществление интерпретации [11], предлагает диалог между поколениями. Она отвергает взгляд на историю

как на антиквариат: история нужна для того, чтобы познавать человека и действовать в настоящем. Именно в этой перспективе необходимо вновь открыть прошлое, чтобы обеспечить наши более определённые желания, исследуя неопределённый опыт [12].

Соединение времени, пространства и событий происходит при помощи интриги, то есть посредством того же приёма, на каком строится обычный литературный рассказ, а место интриги здесь занимает сформулированная историком проблема. Проблема несоединимости восприятия времени космического и индивидуального Рикёром решается с помощью рассказа [12], который выступает своеобразной основополагающей связью между двумя временностями. Интрига представляется как сущность, конструирующая рассказ, и в то же время как связь между пространством опыта и горизонтом ожидания. Интрига способна соединить в непротиворечивое целое хаос общественно значимых событий и жизнедеятельность отдельных субъектов истории, без неё не могут обойтись те же социальные и экономические историки [13, с. 263], правда в их исследованиях она нередко тщательно замаскирована.

К таким же выводам пришёл Р. Козеллек. В данном случае речь идёт о том, что повествование создаёт образ, представление о прошлом, представление о том, чего в реальности уже нет. Такое представление, подчеркивал Р. Козеллек, содержит в себе «слои» времени, в которых присутствует не только событие, но и его значение, формирующееся через описание истории. Такой процесс, считал Козеллек, является феноменом «одновременности неодновременного», где присутствуют синхронные и диахронные поля времени. Вопрос о таком восприятии событий стоит перед историком, даже если он не занимается поиском подходов, объясняющих процесс континуитета и дисконтинуитета исторического развития [14, р. 80].

Размышляя над этим, Роже Шартье писал, что Рикёр показал иллюзорность границ между традиционными персонажами истории и квазиперсонажами различных типов истории, описывавших её с позиций изменения различных социальных или экономических связей [15, р. 159–160]. «На место античных героев “новая история” поместила анонимных и абстрактных (социальные группы, классы, ментальности)» [15, р. 159]. Рассказ соединяет нить событий в целостную систему. Поэтому попытка порвать с жанром рассказа, предпринятая представителями школы «Анналов» в 70-е годы, была иллюзорна и противоречила самой природе исторического описания [3, р. 558]. Правила исторического описания помешали самому Броделю уйти от формы рассказа. Он остался зависимым от форм риторики, присущих исторической дисциплине: «Само понятие долгосрочной истории происходит из драматического события... то есть события, изложенного с помощью постановки интриги» [16, р. 289]. В работе Ф. Броделя Средиземное море представляет почти-персонаж, который испытал свой последний час славы в XVI веке, после чего происходит смещение центров к Атлантике и Америке и «Средиземное море в то же самое время выходит из большой истории» [17, р. 435].

Для того чтобы отличать историческое произведение от литературного, Поль Рикёр вводит понятие исторического причинноменения. Историк в отличие от писателя постоянно видит необходимость доказывать свой выбор: «историк

не является простым нарратором: он раскрывает мотивы, по которым он считает какой-то фактор – скорее, нежели некий другой, – достаточной причиной определённого хода событий» [13, с. 215]. Однако адекватная причинность не может быть сведена только к логической необходимости. Одно и то же отношение непрерывности и прерывности связывает единичное каузальное объяснение и с объяснением через законы, и с построением интриги [13, с. 216]. Рикёр противопоставил позитивистской и деконструктивистской теориям свой «анализ исторической реальности, которую он располагал под знаком “репрезентации”, чтобы подчеркнуть её двойственный статус реальности и вымысла» [18, р. 132]. Историк конструирует в своём воображении события, как они могли бы быть, и сравнивает с тем, как было в реальности. Если бы событие, которое он рассматривает, не произошло, но результат был бы тот же, значит, это историческая необходимость, а не случайность, и наоборот. Здесь выявляется механизм отбора исторических фактов.

Так или иначе, человеческое существование – это существование историческое. Человек всегда движется в своем развитии, а потому единственной формой присутствия здесь и сейчас является память, которая отражается в текстах. Человек может воспользоваться мифологической или рационализированной историками памятью по своему усмотрению, но эти виды памяти передаются ещё как коллективная память, которая существует в каждом индивиде независимо от его желания. Такая память, зафиксированная в знаках, и есть выражение онтологии второго порядка. Историк является интерпретатором этой онтологии, представленной текстами и образами, использует все имеющиеся на данный момент времени возможности для интерпретации знаковых систем, для кристаллизации человеческого опыта, человеческого бытия как такового [10, с. 13]. Таким образом, история является формой обобщающего знания об изменениях общества во времени, основанного на интерпретациях [10, с. 49], которые сменяют одна другую в процессе развития общества и способов познания. Отмеченное является основополагающей характеристикой исторической науки, которую Рикёр определил как «возвратное вопрошание» [13, с. 238].

Историк использует теорию, созданную на основе предшествующего социального опыта. Применение такого подхода объясняется тем, что историк не может сначала выдвинуть гипотезу, а потом путём наблюдения за объектом изучения проверить её соответствие реальности. Поэтому он исходит из той теории, которую можно проверить на предмет того, насколько точно она объясняет изменения, происходящие в современном ему обществе. Эту теорию историк переносит на изучаемую им эпоху, и таким образом достигается относительная объективность знания. Тем не менее любой подход к возвратному вопрошанию отсылает к диалектике рассказа [13, с. 223]. Именно через внимание к текстовым, повествовательным процедурам выражается режим поиска истины в историческом познании.

В историческом повествовании рассказывать – это уже значит объяснять. Поль Рикёр не разделял мнения некоторых нарративистов о том, что историческое повествование – такой же вымысел, как и литературное произведение. Он указал на эпистемологический разрыв, основанный на режиме истинности, характерный для обязательства историка по отношению к прошлому. Именно

внимание к режимам дискурса¹ позволяет историку отделять истинное от маловероятного, так как он осуществляет двойную интерпретацию: всегда помещает изучаемый текст в контекст соответствующей эпохи, а своё собственное рассуждение связывает с теоретическим освоением опыта прошлого, присущего его собственному времени. Дискурс никогда не должен отрываться от ситуации, в которой был создан: любое суждение высказывалось в связи с каким-то конкретным событием, имело цель быть понятым современником, то есть таким образом переставало зависеть только от воли высказывающего, получало социальную составляющую. Как писал Гадамер, «язык есть та среда, в которой происходит процесс взаимного договаривания собеседников и обретается взаимопонимание по поводу самого дела» [20, с. 447]. Таким образом, любой исторический рассказ через построение интриги предстает как своеобразная материализация смысла человеческого опыта во времени на трёх уровнях: «его практического прообраза, его эпистемической конфигурации, и его герменевтической реконфигурации» [21, р. 15].

Рикёр разделял взгляд на событие как на феномен, расположенный между двумя метаисторическими категориями – *пространства опыта* и *горизонта ожидания*. Как писал Р. Козеллек, «нет ожидания без опыта, и наоборот» [9, S. 352]. Любое описание человеческих действий, приводящих к изменению общества, – описание конфликта между ожиданиями людей и тем, что получается в результате попыток их реализации.

Любой горизонт ожидания – утопия. Но эта утопия задаёт направленность мыслей и действий групп людей на определённом отрезке исторического времени. Только учитывая этот фактор, можно понять направленность действий субъектов исторического действия. Положительным моментом данного подхода является новое решение проблемы отношения между бытием и сознанием. Опыт – результат исторической практики, ограниченной воздействием объективных факторов исторического процесса, утопия – инструмент выхода за пределы опыта. Герменевтика в данном случае – способ расшифровки исторически установленных символических форм, которые были носителями пространства опыта и средством формулировки горизонта ожидания. Такой подход нацеливает на осмысление исторических понятий как временных, используемых в определённом экономическом, социальном и политическом контекстах для достижения определённых целей. В данном случае понятия воспринимаются не как выражение рациональной деятельности, оторванной от практики, а как часть «поля опыта», в котором они возникли. И Рикёр, и Козеллек считали, что исторические процессы определяют то, как язык отображает их, но в то же время указывали, что «история никогда не совпадает целиком с тем, как язык её схватывает, и с опытом, который её формулирует» [22, р. 195].

На этой основе в Германии развивалось такое научное направление, как историческая семантика, или история понятий. История понятий сформировалась как особое направление немецкой историографии в 60–70-е годы XX в., преобразуя в контексте современной философской герменевтики и теории модернизации

¹ Логическим основанием исторической науки принято считать дискурс (рассуждение). Под рассуждением понимают построение последовательности аргументов, вынуждающих принятие некоторого утверждения, которое и является целью рассуждения (подробнее о природе дискурса см. [19, с. 78]).

некоторые принципы немецкого историзма, однако корнями она уходит в XIX век. Это направление появилось в немецкой исторической науке раньше, чем в других странах Западной Европы и Америке, где о лингвистическом повороте заговорили лишь в 60–70-е годы. Непосредственный предмет истории понятий – формирование понятийного аппарата социально-политических теорий. Но претензии этого направления исторической мысли простираются гораздо дальше, ибо они основываются на положении, что исследование исторических понятий – кратчайший путь к постижению истории [23].

Всякое историческое исследование представляет собой совмещение двух начал: теорий, использующихся в настоящее время для социального проектирования, выступающих в качестве логической основы построения исторического описания, и работы по дистанцированию как необходимого противовеса временной и личной укоренённости вопросов историка, которая начинается «с верификации исторической состоятельности, пригодности концептов, благодаря которым эти концепты могут мыслиться» [24, с. 130].

Бывает, что «историк выбирает понятия, с помощью которых он описывает историческое своеобразие своего предмета, без подлинной рефлексии по поводу их происхождения и оправданности. При этом он руководствуется исключительно своим фактическим интересом, не отдавая себе отчёта в том, что подобное использование выбранных им понятий может иметь роковые последствия для его собственных задач, поскольку эти понятия приближают исторически чуждое к уже знакомому и потому даже при самом непредвзятом подходе изначально подчиняют инаковость предмета собственным пред-понятиям историка. Вопреки всей научной методике он ведёт себя при этом совершенно так же, как и любой другой человек, подчинённый, как дитя своего времени, безраздельному господству пред-понятий и пред-рассудков своей эпохи. Поскольку историк не признаётся себе в этой своей наивности, он, без сомнения, не способен достичь того уровня рефлексии, которого требует от него его дело. Однако его наивность становится поистине губительной, когда он начинает осознавать всю эту проблематику и выдвигает требование вообще отказаться от собственных понятий и мыслить лишь в понятиях рассматриваемой эпохи» [20, с. 461].

Есть реалии, в отношении которых у историка нет выбора между понятиями рассматриваемой эпохи и понятиями, введенными позднее, – это периоды и процессы. В этом случае всегда имеет место обобщение, сделанное задним числом. С другой стороны, необходимо учитывать зависимость структур исторических понятий от форм переживания исторического времени. Анализ таких понятий позволяет «схватить» историческую темпоральность, то есть проникнуть в самую суть истории [23]. Таким образом, для историка семантика понятий имеет основополагающее значение. Определение границ каждого понятия предполагает учёт противоположных и родственных понятий, а в рамках одной парадигмы и учёт возможных альтернативных понятий. Такой подход позволяет вместе с плотностью социальной реальности измерить всю совокупность темпоральностей разного уровня. Одна и та же реальность, как правило, может мыслиться и называться посредством нескольких понятий, имеющих, однако, разный ракурс и принадлежность к разным временным траекториям. «Историзировать понятия, значит,

устанавливать, к какой темпоральности они принадлежат. Это – способ улавливать современность несовременного» [24, с. 144].

Отличие такого подхода от наивного историзма XIX века, утверждавшего, что для познания эпохи надо полностью погрузиться в неё, мыслить её понятиями и представлениями, заключается в том, чтобы познать отстояние во времени как позитивную и продуктивную возможность понимания. «Обозримость, относительная завершенность исторического события, его удалённость от сиюминутности оценок современности действительно являются, в определённом отношении, позитивными условиями исторического понимания» [20, с. 352]. По мнению Козеллека, вопрос о том, насколько точен рассказ историка, описывающего какое-либо событие, неизбежно приводит к сфере познания различных аспектов движения истории во времени. Это требует потенциала представления события через осмысление источников, которые содержат в себе индикаторы временных рядов и последовательностей. Поскольку речь идёт о различных «слоях» времени, требуются особые приёмы исследования, среди которых автором выделяется метод опережения событий. Такой приём связывается Козеллеком с понятием «структура события», где выделяется не просто его хронологическая рамка, но и его особая диахроническая структура [9, S. 352]. Под хронологией понимается совокупность таких элементов события, как его начало, апогей, кризис и конец, а под диахронологией – внутренние условия длительного, а потому скрытого от наблюдения процесса, который может проявиться либо не проявиться в произошедшем событии. К подобным структурам, по мнению Р. Козеллека, можно отнести, например, способы господства власти или формы строительства государства. Первая особенность времени, в которой, в общем-то, нет ничего удивительного, заключается в том, что время истории – это время различных общественных коллективов: обществ, государств, цивилизаций. Это время, служащее ориентиром для всех членов некоей группы. Военное время всегда тянется очень долго, революционное время, как правило, пролетает очень быстро. Колебания исторического времени являются коллективными, поэтому их можно объективировать [24, с. 106]. В данном случае сохраняется системный подход к изучению истории без претензии какой-либо объяснительной модели общественного развития на всеобщность и универсальность.

Логика ретроспективной вероятности имеет эвристическое значение для развития исторической мысли. Именно работа воображения историка, позволяющая представить, что могло бы произойти при данных объективных условиях, позволяет избежать ретроспективной иллюзии фатальной предопределённости. «В силу своего вероятностного характера причинное объяснение сообщает прошлому непредсказуемость, являющуюся маркером будущего, и вводит в ретроспекцию неизвестность события» [13, с. 218]. Именно отказ от телеологической точки зрения даёт возможность посмотреть на историю с иных позиций, источником которых является та или иная насущная социальная проблема. Фактически так и формулировалось содержание понятия «история-проблема» выдающимися представителями французской исторической школы «Анналов».

Метаисторические категории «пространство опыта» и «горизонт ожидания» не находятся в статическом взаимодействии. Они устанавливают временную дифференциацию в «сегодня», отграничивая его от прошлого и будущего.

Возникает определённая взаимосвязь, которая организует диахроническую временную структуру и прогнозирует ее существование. Именно она формирует признак исторического времени, одновременно указывая на его изменчивость [9, S. 359]. Козеллек подчеркивает, что история указывает лишь на возможное будущее, которое выводится отнюдь не из совокупности отдельных событий. Возможность обозначает внутренние тенденции развития события и условия его реализации, которые формирует структура. Именно она, с одной стороны, обуславливает, а с другой – ограничивает возможные действия будущего. Структура формирует границы «возможных историй», отнюдь не исключая условий повторяемости определенных событий. «Вывод должен делаться не из самой истории, а из развития её структуры» – отмечает Р. Козеллек [9, S. 157].

В данном случае понятие «прогресс» связывает «опыт» и «ожидание». Историк будет констатировать прогресс в том случае, если действительно имело место изменение структуры в сторону усложнения, которое выразилось в росте знаний и умений, изменении этики, что позволило данному обществу сохранять целостность и слаженность действий в ситуации изменения внешних условий его существования. Сегодня это стало очевидным в связи с тем, что изменение общества, которое ранее могло лишь гипотетически конструироваться субъектом познания, стало совершаться очень быстро: достаточно посмотреть на трансформации, произошедшие на протяжении жизни трёх поколений людей в XX в. «“Прогресс” стал обозначением “ускорения” истории, отражая в реальности процесс, который ранее мог только мыслиться субъектом познания» [9, S. 369].

Любое проектирование уже на этапе постановки цели отталкивается от опыта, так как для постановки цели необходимо сравнить то, что есть в памяти, отделяя плохое от хорошего. Память, которую можно отождествить с опытом, накопленным человечеством или отдельным индивидом, определяет границы воображения человека любой эпохи. Память – это не нечто абстрактное и безмерное, но сущность, состоящая из воспоминаний, касающихся конкретных событий, феноменов, всего того, что произошло в прошлом. «Реальный процесс осознания прошлого проходит через единство пространства и времени, через датирование и локализацию события» [25, с. 69]. В данном случае взгляд на историю рождается из пред-понимания «поля опыта», любая модель историописания в данном случае становится рационализацией этого опыта, или памяти, исходя из определенной теоретической модели. Так соединяются объяснение и понимание, причем именно объяснение позволяет создать цельный образ исторического процесса, отталкиваясь от наличного опыта. Таким образом, восстановленное общее помогает вновь углубляться в единичное. Это процесс, который может быть обозначен как герменевтический круг памяти. Герменевтический круг памяти, пройдя через её феноменологическое восприятие воспоминаний, вновь возвращается к целому на более высоком уровне, заключая в себе целостную память о прошлом. Вопрос только в том, на какой основе осуществляется созидание этого целого. Критическая история способствует созданию рационально осознанной памяти, которая позволяет раскрыть горизонт ожиданий соответствующего времени. Если взгляд на историю рождается из пред-понимания «поля опыта», то любая модель историописания должна быть рационализацией этого опыта, или памяти.

Такой подход позволяет не противопоставлять общее и особенное, цивилизационный и формационный подходы. Моделей много (стремление к многообразию – первое условие возможности эволюции), но «выживают» наиболее приспособленные к изменившимся условиям. В данном случае при описании истории как целого вектор исторических изменений смещается в сторону этики. Доминирующим становится подход к осмыслению истории, предложенный Карлом Ясперсом¹ и получивший дальнейшее развитие в работах Поля Рикёра.

Одним из примеров, подтверждающих эффективность идей Рикёра и Козеллека, можно считать концепцию техно-гуманитарного баланса, предложенную А.П. Назаретяном. Этика в данном случае рассматривается как способ создания культурных регуляторов технологического потенциала. Гипотеза действия закона техно-гуманитарного баланса предполагает, что процессы исторического отбора выбраковывают социальные организмы, не сумевшие своевременно адаптироваться к собственной силе [26, с. 97]. Данная гипотеза ещё нуждается в проверке, но, судя по всему, она обладает всеми признаками эффективной теории, которая позволит создать новое видение всеобщей истории как единого процесса. В данном случае, как пишет А.П. Назаретян, «критической проверке предстоит подвергнуть предположение о том, что плотность населения, которую способен выдержать данный социум, пропорциональна гуманитарной зрелости культуры и свидетельствует о количестве успешно преодоленных в прошлом антропогенных кризисов» [26, с. 99]. Он, таким образом, определяет один из самых существенных факторов эволюции: «совершенствование культурно-психологических механизмов сдерживания агрессии» [26, с. 99].

В этом случае прогресс – не цель и не путь к конечной цели, а средство сохранения неравновесной системы в фазах неустойчивости. Это процесс самопроизвольный, в котором «макроэволюция есть сумма микроэволюций», а социальная эволюция является отчасти адаптивным процессом. Таким образом, смысл в истории есть, но его создают не внешние по отношению к человеку силы, а сами люди в процессе своей деятельности. Поэтому стержневая тенденция изменений, пронизывающая историю и предысторию общества, состоит в последовательных переходах от более естественных к менее естественным состояниям [26, с. 128]. С этой точки зрения историческое время протекает в рамках социального измерения семантически автономно и не зависит от хронологической смены эпох.

Summary

I.K. Kalimonov, M.V. Baiteeva. The Concept of Historical Time and Work of a Historian: Views of P. Ricoeur and R. Koselleck.

The article analyses theoretical approaches of French philosopher Paul Ricoeur and German historian Reinhart Koselleck to the concept of "historical time" from the positions of hermeneutics. They consider time not as an objective process that is independent of the one who investigates it, but the time which is investigated by a historian involved in historical process. Historical research in this case gets connected with the environment it was created in and with basic positions regarding methods and theoretical foundations.

¹ Анализу творчества Ясперса была посвящена первая работа П. Рикёра «К. Ясперс и философия существования», написанная в соавторстве с М. Дюфреном и вышедшая в 1947 г.

Key words: historical time, meaning of history, historian's subjectivity, space of experience and horizon of expectation, hermeneutics of historical time, historical semantics, social memory and history, holism of models in a historical description, concept of techno-humanitarian balance.

Литература

1. *Савельева И.М.* Модели времени в исторических исследованиях // Материалы междунар. науч. конф. «Время в координатах истории» (29–30 окт. 2008 г.). – М., 2008. – С. 10–14.
2. *Губман Б.Л.* Смысл истории: Очерки совр. западных концепций. – М.: Наука, 1991. – 189 с.
3. *Dosse F.* Paul Ricoeur: Les sens d'une vie – Nouv. éd. – Paris: La Découverte, 2001. – 790 p.
4. *Koselleck R.* Zeitschichten. Studien zur Historik. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2003. – 399 S.
5. *Braudel F.* La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II. – Paris: Armand Colin, 1949. = *Бродель Ф.* Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: в 3 ч. – М.: Яз. славян. культуры, 2002, 2003, 2004.
6. *Рикёр П.* История и истина. – СПб.: Алетейя, 2002. – 400 с.
7. *Бестужев-Лада И.В.* Альтернативная цивилизация. – М.: Алгоритм, 2003. – 444 с.
8. *Тоффлер Э.* Шок будущего. – М.: АСТ, 2003. – 557 с.
9. *Koselleck R.* Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. – Frankfurt/M.: Suhrkamp Verlag. STW, 1989. – 378 S.
10. *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2002. – 624 с.
11. *Рикёр П.* Герменевтика и метод социальных наук. – URL: http://sociologist.nm.ru/articles/ricoeur_01.htm, свободный.
12. François Dosse, Paul Ricoeur, Michel de Certeau et l'Histoire: entre le dire et le faire. – URL: <http://elec.enc.sorbonne.fr/conferences/dosse>, свободный.
13. *Рикёр П.* Время и рассказ: в 2 т. – М.; СПб.: Унив. кн., 1998. – Т. 1. – 313 с.
14. *Vovelle M.* Ideologies et mentalités. – Paris: F. Maspero, 1982. – 261 p.
15. *Chartier R.* Philosophie et histoire: un dialogue // L'histoire et le métier d'historien en France 1945–1995. – Paris: Éd. De la Maison des sciences de l'homme, 1995. – P. 149–169.
16. *Ricoeur P.* Temps et récit. Tome I: L'intrigue et le récit historique. – Paris: Le Seuil, 1983. – 404 p.
17. *Ricoeur P.* Temps et récit. Tome III: Le temps raconté. – Paris: Le Seuil, 1985. – 553 p.
18. *Mongin O.* Paul Ricoeur. – Paris: Seuil, 1994. – 288 p.
19. *Хвостова К.В., Финн В.К.* Гносеологические и логические проблемы исторической науки. – М.: Наука, 1995. – 176 с.
20. *Гадамер Г.-Г.* Истина и метод: основы филос. герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 700 с.
21. *Petit J.-L.* La constitution de l'événement social, L'Événement en perspective // Raisons pratiques. – 1991. – № 2. – P. 9–38.
22. *Koselleck R.* Le futur passé. Contribution à la sémantique des temps historiques. – Paris: EHESS. – 334 p.

23. *Копосов Н.Е.* Основные исторические понятия и термины базового уровня: к семантике социальных категорий. – URL: <http://www.jourssa.ru/1998/4/koposov.html>, свободный.
24. *Про А.* Двенадцать уроков по истории. – М.: РГГУ, 2000. – 334 с.
25. *Рикёр П.* Память, история, забвение. – М.: Изд-во гуманит. лит., 2004. – 728 с.
26. *Назаретян А.П.* Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории: Синергетика, психология и футурология. – М.: ПЕР СЭ, 2001. – 239 с.

Поступила в редакцию
16.02.11

Калимонов Ильдар Кимович – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: Kazan-Kalimonov@mail.ru

Байтеева Марина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент Казанского юридического института Российской правовой академии Министерства юстиции РФ.

E-mail: mbayteeva@yahoo.de